

«Вечное, сильное искание истины...»

«Лермонтов и я – не литераторы...»

Л.Н. Толстой

По-настоящему
красивые люди

Мой давний знакомый писатель отмечал: «Из всех людей я выделил бы двух по-настоящему красивых. Их внешняя красота сочеталась с громадной внутренней обаятельностью. Прекрасный внешний облик молодого поэта с необычайной одухотворённостью его чистого лица, высоким лбом и полными мысли тёмными выразительными глазами. И косматое благородное лицо старого трудяги, писателя и аристократа с мохнатыми седыми бровями, за которыми прятались пытливые ясные глаза. Они привлекали внимание окружающих. И тех, кто знал молодого родовитого потомка герцогского происхождения и престарелого графа, и впервые видевших их. Оба были очень красивые люди...»

Когда они начинали неторопливо говорить, устанавливалась мёртвая тишина... Слушатели приходили в себя лишь через какое-то время после того, как «сказатели» заканчивали «сказы», делая вид, что не замечают произведённого эффекта. М.Ю. Лермонтов за это многие «не любили», приписывая ему разные неблагицы. (Он был молод для философа).

Старец же всегда выглядел вполне созревшим и вполне оракулом-прорицателем, поэтому не любить его не могли. Разве только уж самые-самые завистливые... Но если таковые находились, то скрывали недоброежелательность и скудоумие за внешним почтением и глубокомысленным молчанием... И ещё, они его боялись. Среди «робких» был царь. Он пасовал перед графом. Оба избегали общения друг с другом в любой форме. Говорили, на Руси два царя: кремлёвский – слабый, недалёкий, совершенно безвольный – Николай II, и янопольнинский – сильный, умный и принципиальный – Лев Толстой.

был лошадиным, как, впрочем, и у Михаила Юрьевича!.. И вот мечта сбылась. Нашлась ещё одна «лошадь», которая писала стихи на уровне А.А. Блока, С.А. Есенина, В.В. Маяковского. Вот заключительная строфа стихотворения нашего замечательного самобытного русского поэта В.Г. Бояринова на данную тему:

Когда я на Красную площадь
Ступил на десятке седьмом
И все закричали: «Ты – лошадь!» –
Я молча пошёл за седлом.

Известный и недостаточно признанный и оценённый русский писатель Н.С. Лесков тоже представлял творчество графа как «ход большие ноги и крепко подкованного коня».

Лев Николаевич избегал разговоров о себе. А когда его вынужда-

Л. Н. Толстой. Портрет неизвестного художника

ли, рассказывал о предтечах своего творчества. Однажды беседа зашла об искусстве и граф стал говорить о М.Ю. Лермонтове: «Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека. Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имеющий. У него нет шуточек, – презрительно и с удариением сказал Толстой, – шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словом человека, власть имеющего».

«Тургенев – литератор, – дальше говорил Толстой, – Пушкин был тоже им, Гончаров – ещё больше литератор, чем Тургенев; Лермонтов и я – не литераторы».

Почти наш современник Н.С. Тихонов писал: «Что Толстой хотел сказать, подчеркнув, что Лермонтов и он – не литераторы? Я долго думал над этим, и мне кажется, что, называя литератором писателя, он хочет сказать, что всё его творчество ограничено, пусть оно даже гениально, областью искусства. А писатель – не литератор – имеет гораздо более широкое назначение: быть деятелем, борцом за высшую правду, быть представителем народа, выразителем его самых сокровенных дум, пророком и вождём, выносившим на суд совести всё зло общества и призывающим бороться за правду и свободу духа». Этим определением отводилась особая роль Лермонтову, а сам Толстой согласен был признать себя таким последователем, усматривающим в произведениях Лермонтова больше, чем искусство, – те поиски истины и осуждение всякого зла, мешающего человеку, которые он сам любит изображать в своих произведениях. Поживи дольше поэт, возможно роман «Война и мир» был бы написан Л.Н. Толстым по-другому.

К этому исследованию недавнего главы советских писателей хотелось бы добавить, что и молодой поэт, и его старательный старший бордатый ученик были удивительными и великодушными знатоками человеческих душ, знатоками людских страстей и пороков. И тот и другой были великими философами своего времени. Не книжными червями, оторванными от жизни и погрязшими в теоретических изысканиях (чем почему-то первые и читающие их гордятся и восхищаются), а настоящими исследователями жизни и смерти во всех проявлениях... По этому значению творчества двух гигантов не снижается во времени, а возрастает!

«Если нашу культуру представить как поступательное движение интеллектуальной энергии и сравнить с линией тока высокого напряжения, то Лермонтов – одна из её могучих опор с глубоким гранитным основанием. Она не позволяет высоковольтной линии нашей национальной культуры

провисать и заземляться. Для полноты образа нужно добавить, что эта опора обладает чудесным свойством вырабатывать и досылать в линию свои токи. Теперь становятся явнее две роли: этапная роль в смысле времени и места и непреходящая роль в смысле воздействия. Стоит подключиться к линии, как вздрогнет от неожиданности и засветится человеческое сердце», – писал В.Д. Фёдоров.

«... При Пушкине
на высшей точке,
потом Лермонтов...»

Возможность «заземления» русской культуры после Лермонтова предсказывал Л.Н. Толстой... 3 марта 1872 года граф, закончивший работу над «Азбукой», писал Н.Н. Страхову, что тогдашнюю художественную культуру (музыку, живопись, поэзию) ожидает «даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности». Письмо Лев Николаевич сопроводил рисунком в виде синусоиды с мало разборчивыми пояснениями к ней.

В тексте послания говорится: «Последняя волна поэтическая... была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и всплывёт, Бог даст, а пушкинский период умер совсем, сошёл на нет... Счастливы те, кто будет участвовать во всплывании, я надеюсь».

Надписи на рисунке (слева направо): Карамзин; Пушкин; Глинка; Лермонтов; Гоголь; мы грешные; изучение народа; будущее.

Соседствующий Глинка рядом с Пушкиным удивлять не должен, он музыкальная вершина в эстетических ориентирах Л.Н. Толстого, как Александр Сергеевич в поэзии...

Изумлённо разглядывая продукцию нынешних «литераторов», наводнивших многотысячными тиражами книжный рынок, невольно благодарю думаешь, как прав, как прозрачно был граф, великий «не литератор», со своей синусоидой нашей русской культуры. Писания разных максимовых, зинovieвых, мамлеевых, пьехузов и резунов с псевдонимами, украинскими в великих полководцев, показывают, в какой глубокой яме отсутствия духовной культуры мы сидим. Эта яма гораздо глубже, чем на синусоиде графа, – духовная пропасть. А теперь посмеёмся, господа, гоголевским смехом над собой... посмеёмся. Есть слабая надежда, что нынешние «литераторы» не заставят нас смеяться андреевским кровавым смехом. Что это такое, почитайте у Л.Н. Андреева, в его шеститомнике, который, как ни странно, успели ещё выпустить в начальный период современной псевдолитературной торговли вакханалии.

Зерно «Войны и мира»

«Бородино» – первое произведение М.Ю. Лермонтова, напечатанное по его воле и с его ведома. Оно написано поэтом к 25-летию Бородинского сражения. В основе этого стихотворения – ранее написанное «Поле Бородино». В.Г. Белинский был в восхищении: «... в каждом слове слышишь солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии». Л.Н. Толстой отмечал, что главная идея «Войны и мира» – «мысль народа», его желанное определённых действий – была впервые отражена именно в «Бородино». В беседе с С.Н. Дурьлиным, впоследствии видным лермонтоведом, Лев Николаевич назвал это стихотворение «зерном» «Войны и мира»...

Смысл фразы Л.Н. Толстого «Лермонтов и я – не литераторы, а офицеры» военные люди истолковывали по-своему. Михаил Юрьевич был профессиональным военным, офицером. Он окончил Школу гвардейских подпоручиков и кавалерийских конюхов. Лев Николаевич стал офицером в молодости из вольнонаёмных, добровольно уехав на юг России в зону боевых действий. Оба бросили университет. Они были прежде всего офицеры. Об их боевых делах можно судить по творческому наследию. Великодушное сжатое обобщение офицерских дел двух титанов дал в своих статьях и книгах Н.В. Маркелов, поэтому нет необходимости ещё раз писать об этом в настоящей статье.

Многие теперь стали говорить о «пророках и пороках». Религиозный мыслитель и литературовед, профессор И.М. Андреев обратил внимание на то, что Михаил Юрьевич указывал болезни, а Лев Николаевич пытался их лечить... Что из этого получилось, сами знаете. Первого убили в пору расцвета интеллекта, второму некуда было голову прислонить под старость. Помните «Пророка»? Нет, не пушкинского, а лермонтовского; про тех, кто провозглашал «любви и правды чистые учения», и про тех, бросавших «бешено камень»...

«Искание истины...»

Нравственная сторона мировоззрения и творчества М.Ю. Лермонтова, его «искание истины» были особенно дороги Л.Н. Толстому. В письме к Л.Е. Оболенскому он говорил о статье О.П. Герасимова, посвящённой поэту, и рекомендовал её, как «весьма замечательную», в журнал «Русское богатство». Автор «показывает в Лермонтове, – пишет граф, – самые высокие нравственные требования». В статье отмечалось, что М.Ю. Лермонтов обладал тем особенным чувством правды, которое возбудило в нём «страшную ненависть ко всему деланному, лживому и неестественному».

Данная черта чрезвычайно близка, родственна Толстому: «Для нас навсегда останется тайной, какое дальнейшее течение

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет

могла бы принять жизнь двадцатипятилетнего титана, но, несомненно, в новом фазисе своего развития он сохранил бы глубоко коренившееся в его натуре нравственное чувство». Граф сказал о поэте: «Вот в ком было это вечное, сильное искание истины. У Пушкина нет этой нравственной значительности, но чувство красоты развито у него до высшей степени, как ни у кого...» Эти слова записаны и в дневнике А.Б. Гольдвейзера. В них подчеркнута первенство этического начала в творчестве М.Ю. Лермонтова и эстетического – в творчестве А.С. Пушкина. По-видимому, этот принцип лежал и в основе суждений Л.Н. Толстого, кто из творцов «литератор», а кто «не литератор».

Совершенно очевидна близость Толстого к Лермонтову в оценках явлений жизни, во взглядах на человеческий мир, на боре страстей в душе человека. Сказывалась близость и в неверии того и другого в победу добра над злом и в мучительных поисках истины. Гениальный поэт начал борьбу за гуманистические идеалы равенства людей, за их «свободу и покой». Великий писатель земли Русской продолжил её не только на страницах своих бессмертных произведений, но и в жизни.

Решительно и до конца вели эту борьбу и аристократичный, не титулованный молодой поручик-поэт, и богатый помещик, властитель дум людей всей земли, слова которого как огня боялся царь: дядя, Николай II боялся этого удивительного человека, старого бордатого графа-мужика. Впрочем, первого, совсем юного офицера, опасался другой монарх, Николай I, и не без оснований. Поэтому и погубили... И это не чей-то вымысел, а правда, доказанная его современниками.

Критик П.П. Перцов в «Литературных афоризмах» поместил такое высказывание: «Лермонтов некоторыми внешними чертами сходен со Львом Толстым (осуждение войны; апофеоз "смирного" типа), но внутренне – вполне ему противоположен. У него не только нет страха смерти (центральное чувство у Толстого), но нет даже мысли о ней – никакого её чувства. "Смерть, где жало твоё?" Чувство жизни – Вечной жизни, – и отсюда полное равнодушие к "переходу"... Никакой зависти и тоски по земному, всегда сквозящих у Толстого. Это – поэт Воскресенья, христианин насковозь, хотя он ничего не говорит о Христе».

Андрей ГЕ

ОБЗОРЫ

«Деревенка в раю»

Александр Трофимов. Дорога в Христань. Стихотворения и поэмы. М.: Деловой экспресс, 2011. – 392 с.

Александр Трофимов не устаёт удивлять нас своей духовной многогранной деятельностью. Это доказывает его новая книга «Дорога в Христань». Автор ввёл в русский язык полнокровное слово «Христань», и одноимённое стихотворение открывает сборник:

И жизнь покинула уста,
А новый свет не начинается,
Я так хочу пойти в Христань,
Но у меня не получается.
Закрылась касса навсегда,
И нитка рельсов обрывается.
И сердце красная руда
По шпальте жизни растекается.
Ночная тьма, как смерть, проста,
А свет прийти не обязуется.
Я все равно приду в Христань,
Когда дорога зарубецется.

Всероссийскую известность принёс Трофимов роман о жизни Г.Х. Андерсена «Сын шаманика». Первым на произведение отличился классик русской литературы Сергей Владимирович Михалков: «Александр Трофимов раскрыл совершенно особенный мир, воссоздал удивительное образное мышление гения с необыкновенной поэтичностью и любовью».

Религиозность Александра Трофимова сообщает его поэзии дыхание белых облаков, молитвенная направленность стихов позволяет понять глубину бытия и философию переписки её на страницах книг. Автор в полной мере владеет дарованным талантом, ему присущ исключительный способ мышления, позволяющий узнавать строки, даже если не видишь фамилии поэта.

Энциклопедия «Люди нашего тысячелетия» отмечает «совершенно своё, особое понимание времени и красоты» у Александра Трофимова, тот выход в поэтический космос, о котором ещё будут писать исследователи. Поэт предельно ясно ощущает время, все его тонкие нити, инерцию бытия, связывающую прошлое с будущим. Поэта называют «последним романтиком XX века», его лучшие произведения полифонически гармоничны, наполнены светом и мудростью. «Не бойся отдать своё сердце миру, – говорит его трансцендентный Бог, – ибо ты в Моём сердце, а будущее уже наступило. Раздвинь коридор пространства для слов Моих – и ты получишь тайный ключ к вседнеству любви и жизни».

Стихи из поэмы «Памяти матери» настолько пронзительны и лиричны, что их хочется перечитывать вновь и вновь и декламировать под классическую музыку: «Матушка моя, лучинка, // Мамочка моя, песчинка, // Ты укрылась землёю, не достучаться. // Я под небом один, до тебя не добраться».

Чтобы понять поэтику Трофимова, нужно прочесть всю книгу. Художественный талант позволяет автору перенести свои сверхчуждые переживания в удивительные строки. Недаром в двухтомной антологии «Сто лет поэзии абсурда» среди таких имён, как Цветаева и Ахматова, Есенин и Мандельштам, Шаламов и Бродский, Пиромани и Ремарк, Гофман и Петрарка, Шопен и Кафка, Камю и Борхес, Фессе и Сент-Экзюпери, из ныне живущих деятелей русской культуры – композиторов, писателей, поэтов, артистов – представлен только Александр Трофимов.

Немного об авторе.

Александр Андреевич Трофимов работал в редакциях издательства «Советский писатель», «Олма-Пресс». Член Союза писателей с 1988 года, автор более 30 книг стихов и прозы, работающий во всех жанрах.

Александр Трофимов – лауреат нескольких российских и московских премий. Своей главной книгой он считает «100 молитв к Богу», посвящённую светлой памяти митрополита Питирима, благословлённую митрополитом Болгарской Православной Церкви Гавриилом.

Виктор ПОТАПОВ

Долгий путь к книге

Анатолий Домбровский. Смерч. Последняя охота. Рассказы. Симферополь: Издательство «Дом писателей им. А. Домбровского», 2010. – 246 с.

С произведениями «Смерч» и «Последняя охота» выдающегося крымского писателя Анатолия Домбровского, творчество которого известно далеко за пределами Крыма и Украины, до сих пор, к сожалению, были знакомы только читатели журнала «Берега Тавриды», где роман и повесть были опубликованы в 1991 и 1993 годах под псевдонимами Николая Малахова и Арея Березницкого. И вот эта досадная оплошность исправлена: спустя годы произведения вышли в свет в одной книге.

Всё крымское здесь до боли узнаваемо: Каркинитский залив, северный и восточный Крым, Симферополь да и главный герой – Азовцев. «Когда умолают чайки, слышно, как на склонах кургана шуршат, просящая, избавляясь от тяжёлой росы, бурьяны. Пахнет корнями от влажной земли и прелью от перевернутого камня. Здесь хорошо сидеть. Отсюда видно далеко и во все стороны. Тень от сидящего падает влево и медленно движется по склону к воде. Когда она укажет на острова, наступит полдень». «Окрестные степи были бесплодными, солончаковыми, в водах Каркинитского залива, отравленных сбросами соседнего химического комбината, давно уже ничего не водилось – ни бычков, ни камбалы, ни креветок...»

Действие в романе «Смерч» разворачивается во времена распада большой страны. Писатель использует метафору-предупреждение: градёт стихийное бедствие, смерч, разметающий в клочья созданное не лёгким трудом. Произведение написано с сердечной болью, с судьбоносными вопросами, чтобы побудить людей к многому задуматься, как бы со стороны взглянуть на то, что происходит, и на себя среди руин родного пепелища. Размышления автора о трагических заблуждениях эпохи на изломе тысячелетий облечены в диалоги, беседы героев. «Reductio ad absurdum» – доведение до нелепости – так характеризует один из персонажей ситуации, в которой оказался учёный, врач и сельский житель. Домбровский подводит читателя к мысли, что подобно – очередное испытание общества безразличностью, когда ущербное потешается над свободным и прекрасным, посягает на духовность и культуру. Позже, через годы, тема получит дальнейшее развитие в другом романе-притче Домбровского «Delirium, или Безысходность – род безумия». Повесть «Последняя охота» представлена писателем на обложке журнала в 1991-м как «Смертельные игры осенней порой». Точно в дурином сне, будто тени на развалинах иллюзорного замка, герои мечутся, пыют, рассуждают. И ещё умирают. Но, несмотря на всё показанное: окаянную жизнь со всеми её недобрыми приметами (завистью, подлостью, злобой, стрельбой, поджогом) и драматизм ситуаций, – это увлекательное приключение с детективной развязкой сюжета. Возникает вопрос: почему в столь несвойственном автору жанре написаны эти произведения? Ведь не раз в интервью и публицистических статьях Домбровский с неприязнью отзывался о «чернухе», коей завалены книжные полки, говорил, что именно серьёзное чтение необходимо людям в периоды кризисов – духовных и социальных! Его творчество и в самом деле детективами не назовёшь, несмотря на динамику и остроту повествования. Написанное – сама жизнь, в которой много безрадостного, страшного, горького; это мужественный, открытый диалог и спор писателя-философа с самим собой. Эдакие горькие пилюли, полагал он, должны облегчить боль, страдания. Домбровский высоко ценил звание писателя как мыслителя. Он звал к совести. И поскольку детективные истории и увлекательное чтение по большому счёту к настоящей литературе не относились, вещи, созданные специально для публикации в своём журнале, подписывал псевдонимами.

«Удвоение света» и другие рассказы – вновь о том же, горьком, но ещё и о любви: когда один человек находит другого, который его понимает и принимает, и сердца этих людей бьются в унисон, и глаза радостно отражаются в глазах. Тогда чудесным образом удваивается, преображается свет...

Итак, настало время, когда жизнь продолжается, утверждается образ, и, как бы там ни было, остаётся надежда. Автор пытается найти героя нового века и нового тысячелетия.

Анатолий Домбровский остробно воспринимал своё время и точно показывал его типичные и яркие черты. Он поставил перед обществом главные вопросы, без осмысления и разрешения которых невозможно двигаться вперёд. Это новое издание, украшенное его собственными иллюстрациями, займёт, наконец, достойное место в нашей истории и культуре.

Юрий ПЕТРОВ,
директор Дома писателей имени А. Домбровского,
член Союза русских, украинских и белорусских писателей АР Крым